



РЕВОЛЮЦИЯ  
И МЫ

РУСТЕМ  
ВАХИТОВ

**РЕВОЛЮЦИЯ,  
КОТОРАЯ  
СПАСЛА  
РОССИЮ**



# **Рустем Ринатович Вахитов**

## **Революция, которая спасла Россию**

### **Серия «Революция и мы»**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=22181950](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22181950)*

*Революция, которая спасла Россию / Рустем Вахитов: Алгоритм;  
Москва; 2016*

*ISBN 978-5-906880-61-1*

### **Аннотация**

Рустем Вахитов, ученый и публицист, постоянный автор «Советской России», в своей новой книге пишет об Октябрьской революции 1917 года. Почему имперская Россия была обречена? Почему провалилась либеральная Февральская революция? Как получилось, что революционер-интернационалист Ленин стал русским патриотом и собирателем Отечества? Чем Октябрьская революция ценна для российского патриота? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге. Она – о тупике дореволюционной России, о слабости русской буржуазии и прозападных либералов; о том, как Ленин, желая создать плацдарм для мировой Коммуны, воссоздал российскую, евразийскую сверхдержаву. Это лучшая оценка Октябрьской революции с точки зрения российского великодержавия и патриотизма.

# Содержание

Вместо предисловия	5
«Хлебная сверхдержава»	7
«Россия стала бы грамотной раньше...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# **Рустем Ринатович Вахитов**

## **Революция, которая спасла Россию**

© Вахитов Р. Р., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

# Вместо предисловия

Почему имперская Россия была обречена? Почему провалилась либеральная альтернатива Февраля? Как получилось, что международный революционер Ленин стал русским патриотом и собирателем Отечества? Что бы случилось, если бы к власти в 1917-м не пришли большевики? Чем Октябрьская революция ценна для российского патриота?

Ответы на эти вопросы вы найдете в книге. Она – о ресурсном тупике дореволюционной России. О слабости русской буржуазии и западоцентризме ее либералов. О крестьянской революции 1917 г. О взрывах национализмов, разорвавших Российскую империю. О политической и идеологической гибкости и интуиции Ленина. О том, как он, желая создать плацдарм для мировой Коммуны, воссоздал российскую, евразийскую сверхдержаву. Короче, об Октябрьской революции с точки зрения российского великодержавия и патриотизма.

Сейчас много говорится о том, что России нужна своя идеология, свое официальное прочтение нашей великой истории. Я считаю, что важное место в этой идеологии должны найти Великая Октябрьская революция и ее вождь. Вне зависимости от политических пристрастий, симпатий и антипатий граждан современной России, мы должны признать значение революции и основателя российской советской

республики Ленина, вписать их в контекст официального российского патриотизма. Французы и американцы признают свои революции, Робеспьера и Вашингтона, хотя современным французам может не нравиться якобинский террор, а американцам — что Вашингтон был рабовладельцем. Европейцы и американцы не хотят тотально очернять свою историю. Они принимают ее такой, какая она есть. И это тот случай, когда мы можем у них поучиться.

Без признания прошлого невозможно настоящее. Мы не должны уподобляться нашей соседке Украине, власти которой в антисоветском раже стали крушить память о Ленине, СССР и УССР и тем самым подложили бомбу под территориальную целостность и легитимность собственного государства.

Автор этой книги популяризировал патриотический, евразийский взгляд на революцию в течение последних 15 лет в различных изданиях левопатриотической оппозиции. Книга представляет наиболее полное его изложение.

# «Хлебная сверхдержава»

Каждый раз в канун очередной годовщины Октябрьской революции с экранов телевизоров, из радиоприемников, со страниц газет и журналов опять мы видим и слышим рассуждения о том, что Россия представляла собой активно развивающееся благополучное капиталистическое государство, однако пришли «злые большевики» и столкнули страну со столбовой дороги цивилизации на обочину. С эпохи распада СССР прошло уже почти 25 лет, выросло целое поколение тех, для кого Советский Союз – история. Возможно, многие из них сейчас уже и не подозревают, что все эти инвективы либеральных пропагандистов – вывернутая наизнанку схема вульгарного, упрощенного «марксизма», «истмата», который был официальной идеологией в СССР. Его сторонники также доказывали, что Россия до революции была страной успешно развивавшегося капитализма, настолько передового, что в ней сформировался рабочий класс, вполне готовый произвести социалистическую революцию и даже построить социализм в отдельно взятой стране. Только Октябрьская революция при этом изображалась как следствие «железной необходимости», ведущей капитализм к его гибели. Из этой конструкции вынули тезис о «железной исторической необходимости», сменили оценки на противоположные – и получилась схема либерального агитпропа о капита-

лизме в России и злобных большевиках.

На самой деле обе этих картинки имеют очень отдаленное отношение к действительности. Капитализм в России до революции был своеобразным, не похожим на классический, западный. Но, кстати, весьма напоминающим современный российский...

Бурное развитие капитализма в России связывают со знаменитыми реформами 1861 г., которые создали условия для утверждения рыночного уклада. По Положениям о крестьянах 1861 г. было отменено крепостное право, крестьяне превратились в юридически свободных подданных империи, они теперь имели возможность заниматься своим хозяйством, наниматься к помещику, а то и на определенных условиях уехать в город и стать рабочими на мануфактурах и фабриках. Казалось бы, Россия пошла по тому пути, который уже к тому времени прошли страны Запада, к примеру Англия или Германия. Действительно, в России стали строиться железные дороги, промышленные предприятия, начал формироваться свой национальный рабочий класс и даже заявлять о своих правах, устраивая стачки. Промышленное производство, по оценкам историков, выросло в 7-10 раз.

В то же время ситуация имела существенные отличия от картины зарождения и развития капитализма на Западе. Несмотря на относительно высокие темпы промышленного роста даже в 1913 г., то есть даже через полвека после начала реформы, на Россию приходилось лишь 4,4 % миро-



вого промышленного производства, тогда как, например, на США – 35,8 %<sup>1</sup>. Подавляющее большинство населения Российской Империи (от 70 до 80 %) и в начале XX в. оставалось в деревнях, занимаясь там тяжелым, в основном ручным трудом. Количество горожан росло не так быстро, как это диктовали требования индустриализации. В России начала XX в. всего лишь 12,6 % населения были горожанами, тогда как в Англии процент горожан еще в 1840 г. перевалил за 50 %. Кстати, именно это предопределило то обстоятельство, что в России конца XIX – начала XX вв. не сформировался и сколько-нибудь крепкий «средний класс», бывший на Западе опорой либеральных преобразований. Городская прослойка была слишком тонкой, а ведь среда развития среднего класса – это именно города.

Слаба была и российская буржуазия, как показали потом и события революции 1905 г. Она так и не сумела стать самостоятельной политической силой и постоянно склонялась к тому, чтобы идти на поводу у власти. Это имело объективные причины: основная часть пореформенной российской промышленности принадлежала либо государству, либо иностранцам. В 1912 г. в текстильной промышленности доля немецкого капитала достигала 50 %. В металлургической, машиностроительной, механической, электрической, электротехнической, светильногазовой промышленности 71,8 % принадлежал немецкому капиталу, 12,6 % –

---

<sup>1</sup> Арин О.А. «Правда и вымыслы о царской России».

французскому капиталу, 7,4 % – бельгийскому капиталу. На долю российской буржуазии приходилось лишь 8,2 %. До 1/3 коммерческих банков, работавших в России до Первой мировой войны, были иностранными<sup>2</sup>.

Наконец, российский рабочий класс составлял к Первой мировой войне не более 10 % населения. Но и эти 10 % вовсе не были квалифицированными профессиональными пролетариями, большинство из них были крестьянами, которые выезжали в города для сезонной подработки, они были «приписаны» к своим деревням и имели там земельные наделы и семьи.

Капитализм в пореформенной России так и не сумел преодолеть аграрного характера экономики страны. Более половины экспорта Российской империи начала века составляло зерно. Россия вывозила хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, а ввозила машины и промышленные товары. Единственная область промышленности, которая развивалась в пореформенные годы крайне динамично и не находилась под контролем иностранцев, это железные дороги. Но это и понятно: железные дороги были нужны, чтобы вывозить в Европу хлеб, которым царская Россия торговала с каждым новым предреволюционным десятилетием все активнее и активнее (если в 1900 г. было вывезено 418,8 миллиона пудов, то в 1913 – уже 647,8 миллиона пудов<sup>3</sup>).

---

<sup>2</sup> Арин О.А. «Правда и вымыслы о царской России».

<sup>3</sup> Покровский С.А. «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России».

Все это мало походит на страны развитого капитализма. Зато очень напоминает современное российское сырьевое государство, которое возникло после неудачных либеральных реформ Горбачева, а затем Гайдара, целью которых, по крайней мере декларируемой, было поначалу вывести СССР (Россию) на уровень наиболее развитых стран Запада. Только современное российское сырьевое государство стоит на продаже за рубеж нефти и газа, а дореволюционная Россия стояла на продаже хлеба. Россия Путина – это «энергетическая сверхдержава», а Россия последнего царя из династии Романовых была, так сказать, «хлебной сверхдержавой». Разумеется, слово «сверхдержава» в данном случае необходимо употреблять с изрядной долей иронии. Речь идет о стране, встроившейся в систему мирового капитализма на правах периферии, источника дешевых ресурсов, но при этом достаточно большой, обладающей значительным военным потенциалом и могущей пытаться шантажировать отдельные страны метрополии ради удовлетворения своих региональных интересов.

К 1910-м гг. Российская Империя превращается в крупнейшего в мире экспортера пшеницы, ржи, овса и ячменя (основными импортерами были Голландия, Бельгия, Германия и Великобритания). В 1913 г. Россия поставляла на мировой рынок 22,1 % зерна, тогда как Аргентина 21,3 %, США 12,5 %, Канада 9,58 %, Голландия 8,74 %, Румыния

6,62 % Индия 5,62 %, Германия 5,22 %<sup>4</sup>. Причем структура экспорта менялась: если в 1880–1890-х преобладала пшеница, то в 1910-х ячмень. Сложилось даже своеобразное разделение труда среди губерний России: одни производили пшеницу, другие – рожь, третьи – ячмень, четвертые – кукурузу.

И это при том, что урожайность зерновых в 1908–1912 гг. в России на круг была 8 центнеров с гектара, а во Франции и США – 12,4, в Англии – 20, в Голландии – 22. В 1913 г. в России было собрано 30,3 пуда зерна на душу населения. В США – 64,3 пуда, в Аргентине – 87,4 пуда, в Канаде – 121 пуд.

Таким образом, в России была самая низкая урожайность в мире (причины ее – не только примитивность технологий сельского хозяйства, но и объективные географические условия), однако царское правительство все равно упорно экспортировало хлеб в страны Запада, превращая зерно, политое потом и кровью русских крестьян, в золото, деньги и акции помещиков, банкиров, биржевиков, членов правительства, высшей аристократии, то есть, одним словом, российской элиты того времени. Упоминание о крови не является преувеличением: в 1891–1893 гг. в России разразился голод, тем не менее Россия продолжала экспортировать зерно за границу. Вывоз продолжался даже когда из-за неурожая душевой сбор стал 14 пудов при критическом 19,2 пуда. Притчей во языцех стало восклицание «Недоедим, но выве-

---

<sup>4</sup> Юрий Бахарев «О производстве зерна в царской России».

зем!», приписываемое министру финансов Вышнеградскому, в правление которого, кстати, экспорт российского хлеба вырос в 2 раза.

Впрочем, и в урожайные годы дело обстояло немногим лучше. Вот что пишет об этом дореволюционный экономист-народник А.Н. Энгельгардт: «...Мы продаем хлеб не от избытка, что мы продаем за границу... хлеб, необходимый для собственного нашего пропитания. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь... а самую что ни на есть плохую рожь, с пухом, костером, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен – вот это ест уж мужик. Но, мало того что мужик ест самый худший хлеб, он еще недоедает...».

Конечно, кроме хлеба Россия экспортировала и другие сельскохозяйственные продукты, такие как шерсть, лен, масличные культуры, сало. В целом доля сельскохозяйственного экспорта составляла в конце XIX в. до 80 %, в 1913 – 75 %; экспорт промышленных товаров равнялся лишь 20 %, соответственно – 25 % (причем к промышленным товарам относили, например, лес, поскольку он продукт лесной промышленности, бревна ведь пилили, прежде чем грузить в вагоны).

Разумеется, сегодняшние монархисты уверяют, что деньги за вырванный из полуголодной деревни и проданный за границу хлеб и другие сельхозпродукты шли на нужды про-

мышленности, на модернизацию промышленности, закупку новых машин, расширение производства. Отчасти так оно и было. Но только отчасти. За типичный 1907 г. доход от продажи хлеба за рубеж составил 431 миллион рублей. Из них на предметы роскоши для элиты было потрачено 180 миллионов. Еще 140 миллионов, хрустевшие французскими булками, русские дворяне оставили за границей – потратили на курортах Баден-Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, накупили недвижимости в «цивилизованной Европе». На модернизацию России «эффективные собственники начала прошлого века» потратили аж одну шестую дохода (58 миллионов рублей) от продажи зерна, выбитого у полуголодных, а то и голодающих крестьян<sup>5</sup>. Приведу слова министра земледелия 1915–1916 гг. А.Н. Наумова, весьма реакционного монархиста, которого уж никак не заподозришь в стремлении «очернить царский режим»: *«Процветают спекуляция хлебом, хищничество, взяточничество; комиссионеры, поставляющие зерно, наживаются состоянием, не отходя от телефона. И на фоне полной нищеты одних – безумная роскошь других. Вокруг усадеб власть имущих вымирают селения. Они же тем временем заняты постройкой новых вилл и дворцов».*

История повторяется, и наш «высший класс», сорящий на Лазурном берегу Франции и в Швейцарии деньгами, вырученными от продажи за границу нефти и газа, мало чем от-

---

<sup>5</sup> Нефедов С.А. «О причинах русской революции»

личается от этих русских буржуа и аристократов начала века. Логика ресурсного государства остается неизменной.

Ничего удивительного в превращении России начала XX в. в периферийное сырьевое государство не было. Реформы 1860-х гг. были проведены так, что они предопределили именно это развитие событий.

Борис Кагарлицкий в своей работе «Периферийная империя» замечает, что Россия после реформ 1861 г. не пошла ни по американскому, ни по прусскому пути капитализма. Первый, американский, путь предполагал полную ликвидацию помещичьего землевладения и превращение крестьян в фермеров и батраков. Второй, прусский, путь предполагал сохранение помещичьего землевладения и освобождение крестьян без земли, так чтобы они превратились в наемных работников и могли работать либо на помещиков в деревнях, либо на фабрикантов и заводчиков в городах.

Однако Положения о крестьянах 1861 г. освобождали крестьян от личной зависимости и в то же время обязывали помещиков выделить крестьянам «усадебную оседлость и полевой надел», то есть дом с приусадебным участком и надел земли, на котором крестьянин мог бы вести хозяйство, чтоб прокормить себя и семью (отказаться от этого и уехать в город крестьянин не мог, закон запрещал ему это в течение первых 9 лет). Сначала крестьянин продолжал нести барщину или платить оброк помещику (помещик оставался владельцем всех земель), затем крестьянину предлагалось эту

«оседлость» и поле выкупить у помещика. Чтоб облегчить крестьянам выкуп, государство само покупало у помещиков крестьянские, общинные земли (единовременно помещикам было выплачено 80 % выкупной суммы) и отдавало их общинам с условием выплаты кредита в течение 49 лет. Естественно, чтоб выплачивать кредит, крестьяне нанимались к тем же помещикам или к кулакам.

В итоге крестьяне продолжали, как и до реформы, работать на земле помещика. Только уже не как крепостные, а как «свободные» наемные работники.

Итак, сложилась любопытная ситуация. Помещики сразу же получили от государства деньги за свои земли, что для многих из них было крайне необходимо: к 1860 г. около половины помещичьих угодий, где работали  $\frac{2}{3}$  крепостных крестьян, были заложены в банках. Если бы не крестьянская реформа 1861 г., немало разорившихся дворян оказались бы в долговых тюрьмах. С другой стороны, крестьяне перестали быть крепостными, а значит, помещики больше не были за них в ответе. До реформы помещик был по закону обязан следить за состоянием дел в деревне, оказывать помощь больным, голодающим (хотя, конечно, не все и не всегда эти законы соблюдали). Кроме того, он предоставлял своим крестьянам лес для строительства домов, пастбища для выгула скота. Наконец, он просто экономически не был заинтересован в том, чтобы крестьяне измождали себя трудом, болели и умирали, ведь у него было ограниченное количество кре-



стьян и новых пришлось бы покупать. Теперь, когда крестьяне стали свободными, а помещик превратился в буржуа-работодателя, состояние здоровья крестьян, условия их жизни и прочее его уже перестали интересовать. На место истощенным работой, больным и умершим просто придут другие.

Причем крестьяне были лишены возможности в массовом порядке переселиться в города и пробовать там найти себе средства к существованию. И в этом плане государство позаботилась о помещиках, нуждающихся в дешевой рабочей силе для своих латифундий. Как уже говорилось, первые 9 лет закон вообще запрещал крестьянам куда-нибудь уезжать, они должны были трудиться на бывшего своего помещика как временнообязанные. Но и потом перед переездом в город были поставлены серьезные ограничения. Освобождались крестьяне не в индивидуальном порядке, а общинами. Каждый крестьянин был приписан к сельскому обществу, которое только и могло по закону отпустить его, но, как правило, не очень желало лишаться работника (разве что если он отправится в город на сезонные работы). Кроме того, в Российской империи существовал строгий паспортный режим. Представители податных сословий, то есть прежде всего крестьяне, должны были, для того чтобы выехать за пределы места жительства, получить у полицейского начальства временный паспорт («бесплатный вид на отлучку»). Выдавался он лишь на год (в отличие от «постоянного», который выдавался на 5 лет, в случае отсутствия долгов по сборам

и платежам), и по истечении этого срока крестьянин обязан был вернуться в свое село.

Итак, больше всего выиграли от «освободительной реформы» именно дворяне – крупные землевладельцы. Они получили дешевую рабочую силу и безграничные возможности ее эксплуатировать. В результате их поместья превратились в крупные латифундии, основанные на наемном труде, использующие машины и новейшие технологии и бесперебойно поставляющие хлеб на мировой рынок.

Таких крупных помещиков-латифундистов было немного, всего около 30 000 человек, менее 1 % от населения империи. Богатейших среди них было не более 700 семей. Но они владели 70 миллионами десятин земли, и на их долю приходилось 47 % всего хлебного экспорта Российской империи.

Они и составляли элиту империи, теснейшим образом связанную с двором и императорской фамилией (вплоть до родственных связей). Их влияние на политику невозможно было переоценить. При выборах в третью Государственную Думу закон о выборах был составлен так, что, по словам С.Г. Кара-Мурзы, «30 тыс. помещиков получили в III Думе в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн крестьянских дворов». По сути дела, они были олигархами «хлебной сверхдержавы», ради благополучия которых фактически и были произведены реформы. Конечно, российская интеллигенция, либеральные круги дворянства и чиновничества еще

с конца XVIII в. возмущались существованием крепостной зависимости крестьян. Но государство уничтожило эту зависимость только в 60-е гг. XIX в., и это освобождение совпало по времени с беспрецедентным и стабильным ростом цен на зерно на мировом рынке, что делало очень выгодным преобразование поместий богатейших русских дворян в капиталистические предприятия по производству хлеба для рынка. На это совсем неслучайное совпадение указывают российские сторонники мир-системного анализа И. Валлерстайна, в частности Б. Кагарлицкий, рассматривающие реформы 1860-х гг. через призму теории периферийного капитализма.

Петр Великий создал служилое дворянство, получившее большие привилегии (главная из которых – право распоряжаться данной государством землей и пользоваться благами, даденными трудом крестьян). Но все это – при условии бессрочной службы государству в качестве военного, гражданского чиновника или придворного. В эпоху Екатерины Великой дворяне добились для себя освобождения от обязательной службы. Полученный их предками от государства ресурс – земля и крестьяне – стал их частной собственностью, но пока что они использовали его в основном для нужд личного потребления. Наконец, в эпоху либеральных реформ 1860-х этот ресурс превратился в товар, собственники земли стали капиталистами, включенными в мировую экономику в качестве поставщиков сырья с периферии.

Перед нами та же самая логика трансформации служилого государства в ресурсно-торговое, которая превратила детей и внуков сталинского «служилого слоя», партноменклатуры, в собственников нефтяных и газовых предприятий и месторождений, поставляющих углеводороды в Западную Европу и за счет этого живущих в роскоши на фоне обнищания народа. Ничего-то в России не меняется...

Ресурсное государство имеет свои пределы развития, пройдя которые оно погружается в кризис и разрушается. И революция 1917 произошла не из-за происков большевиков и враждебных иностранных держав, про что сегодня нам долбят с утра до вечера с экранов ТВ и из радиоприемников, а совсем по другой, совершенно объективной причине. С 1911 г., когда из России было вывезено рекордное количество зерна – более 800 миллионов пудов, начинается падение цен на хлеб на мировом рынке. Б. Кагарлицкий связывает его с политикой Турции, которая перекрыла Босфор и, соответственно, торговые пути для русского хлеба, и конкуренцией со стороны Германии, которой удалось увеличить поставки хлеба на мировой рынок за счет повышения производительности труда в сельском хозяйстве.

Вступление России в войну (к которому ее подтолкнули французские бизнес-круги, ведь Россия имела огромный долг перед Францией) казалось решением проблемы, но в итоге окончательно завело страну в тупик. Как отмечает В. Дамье, к 1917 г. мобилизация вырвала из деревни около по-

ловины работоспособных мужчин, в итоге сбор зерна уменьшился в 1,5 раза по сравнению с довоенным 1913 г. Международной торговле препятствовала война, экономика России стала расстраиваться. В стране началась инфляция, затем – проблемы с продовольствием. Снабжение городов все ухудшалось, страна перешла на карточки, в конце концов стало не хватать даже хлеба. Вспомним, что февральская революция началась с возмущения в хлебных очередях в Петрограде.

Итак, неудачная конъюнктура международного рынка зерна, невозможность собирать былые большие урожаи из-за военных условий – все это предопределило крах ресурсного государства, чья экономика «сидела на игле» международной торговли хлебом. Нам ли не знать этого, ведь мы тоже живем в подобном государстве, чья экономика «сидит на нефтегазовой игле», и уже больше года мы видим, что творится с такой экономикой после падения цен на нефть на мировом рынке...

Впрочем, не будь даже войны, «хлебная сверхдержава» все равно была обречена. Страны Запада перешагнули уже рубеж третьего технологического уклада и шли к четвертому. Через пару десятилетий будут изобретены телевидение, реактивные двигатели, атомное оружие. Россия в это время оставалась отсталым аграрным государством, нуждающимся в модернизации и индустриализации. Произвести же их мешала сама элита империи, осыпанная привилегиями и бла-

гами, живущая за счет сельскохозяйственного экспорта и не желавшая ничего менять. Даже либерально и антисоветски настроенные современные историки и социологи (такие, например, как автор фундаментальной работы «Серп и рубль» А. Вишневский) признают, что движение России вперед без революции, которая смела бы ту паразитическую элиту, было, по-видимому, невозможно...

И это тоже урок для элиты современной российской «сырьевой сверхдержавы»...

## **«Россия стала бы грамотной раньше...»**

Среди современных «белых патриотов» стало модным называть мифом тезис о том, что всеобщую грамотность принесла в Россию советская власть. Согласно их утверждениям, еще до революции в 1908 г. была принята программа всеобщего обучения всех детей в Российской империи, независимо от пола, национальности и сословия, которая должна была реализоваться в 1928 г., и, если бы не катаклизмы революции и гражданской войны, Россия стала бы грамотной гораздо раньше, чем это произошло в реальности (в СССР всеобщая грамотность была достигнута в 1934 г.). В итоге большевики превращаются из просветителей России в силу, затормозившую Просвещение. Чтоб не быть голословными, приведем выдержки из статьи историка А. Музафарова «Виноват ли Государь в революции 1917 года?», опубликованной в Интернете: «В период правления Николая II наблюдается стремительный рост числа учебных заведения на всех уровнях... В 1908 г. в России принимается программа перехода ко всеобщему и обязательному образованию населения. Рассчитанная сроком на 20 лет, она предусматривала ежегодное увеличение государственных кредитов на народное образование на 20 млн рублей (10 млн на постройку но-

вых школ и 10 млн на улучшение уже имеющихся)...». Далее автор, вспомнив слова Столыпина: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» – сетует, что этих двадцати лет России не дали...

Однако обращение к фактам, увы, разрушает эту благостную картину. Прежде всего, нельзя не отметить, что в 1908 г. никакой программы всеобщего образования населения принято не было. Автор имеет в виду законопроект, который был разработан под руководством П.А. Столыпина министром народного просвещения фон Кауфманом. Этот законопроект был внесен 1 ноября 1907 г. в Государственную Думу и передан в комиссию по народному образованию в 1908 г. Комиссия рассматривала его до 1910 г., затем проект был снова внесен в Думу, прошел 3 обсуждения и в 1911 г. был одобрен Думой и передан в Государственный Совет. Госсовет внес в проект ряд изменений, которые Дума не согласилась одобрить, создание согласительной комиссии в 1912 г. ничего не дало, и в том же году законопроект был отклонен Госсоветом. Так что факты говорят иное: в дореволюционной России государственная программа всеобщего обучения так и не была принята.

Но если обратиться к самому содержанию несчастливой законопроекта, то выяснится, что и тут А. Музафаров допускает «небольшую» неточность. Он пишет, что эта программа перехода ко всеобщему и обязательному образованию, но



скромно умалчивает, о каком образовании идет речь; и у наивного читателя, к тому же ослепленного идеалами белого патриотизма, может создаться впечатление, что руководство Российской Империи задумало осчастливить население всеобщим, бесплатным и обязательным *средним* образованием. Действительность куда проще: в проекте Столыпина говорится об обязательном, всеобщем бесплатном *начальном* образовании. Проект предполагал, что это образование охватит детей от 8 до 11 лет, будет продолжаться 4 года. При этом нормальным числом детей на одного учителя признается 50. Следует напомнить, что в дореволюционной начальной двухклассной школе (где каждый класс длился по два года) преподавались следующие предметы: Закон Божий (краткий катехизис и Священная история), чтение, письмо, четыре действия арифметики, церковное пение, начальные сведения из истории церкви и Российского государства, а также не всегда – ремесла и рукоделия. То есть выпускник такой школы должен был знать «Символ веры», уметь читать, писать, складывать, вычитать, делить и умножать и знать самые элементарные сведения по отечественной и церковной истории. В сущности, этот проект брал за образец церковно-приходскую школу Российской империи, полностью повторяя ее структуру и программу. Между тем как в империи были еще земские школы, где учителя по своему почину стремились преподавать больше светских предметов: географию, природоведение. Однако архитекторы дореволюционного проекта

всеобуча их опыт проигнорировали. Природоведение войдет в число дисциплин начальной школы лишь при Советской власти.

Важно также отметить, что начальное образование не было в Российской империи просто ступенькой к среднему и высшему, как впоследствии в СССР. Даже если бы законопроект был бы реализован, большинство выпускников этих школ не смогли бы поступить в школы следующих циклов. Роль средней школы выполняли гимназии, в которые принимали по сословному принципу, то есть детей дворян, чиновников и т. п. Доступ детям простолюдинов в гимназии был запрещен по знаменитому циркуляру министра просвещения Делянова от 1887 г., получившему название «указ о кухаркиных детях». При этом *только выпускникам гимназий* был открыт путь в университет, к получению полноценного высшего образования. Своего рода неполноценной средней школой были реальные училища, окончание которых первоначально открывало путь лишь в технические, промышленные, торговые вузы, но не в университеты (после 1888 г. было разрешено поступать и в университеты, но только на физико-математические и медицинские факультеты). Прием в реальные училища был более демократичным, но не настолько, чтоб они стали массовыми образовательными учреждениями. В 1913 г. в России было 276 реальных училищ, в которых обучалось всего... 17 тысяч человек (тогда как только по переписи 1897 г. в империи было более 40 милли-

онов детей школьного возраста, к 1913 г. их число, благодаря росту общей численности населения, конечно, возросло).

Кроме того, нам представляется порочной сама логическая аргументация автора. Исходя из того, что имперское правительство в первое десятилетие XX в. создавало в большом количестве школы и вузы и щедро выдавало ассигнования на образование, делается вывод, что на протяжении последующих 20 лет происходило бы то же самое, темпы финансирования образования и динамики создания школ сохранились бы. Порочность этой логики общеизвестна, данную ошибку обычно иллюстрируют анекдотическим примером: если Петя съедает одну булочку за 2 минуты, то из этого не следует, что за три часа он съест 90 булочек. Возможности Пети ограничены размерами его желудка, и, скажем, больше 10 булочек за раз он съесть просто не сможет. Тут та же ситуация. Сам Музафаров признает, что сильным ударом по экономике России, да и по устойчивости государства стало участие России в Первой мировой войне. Естественно, в условиях войны не было возможности выполнять план о всеобуче, даже если бы он действительно был принят в 1908 г. Финансирование проекта сократилось бы, и его реализация существенно отодвинулась бы во времени. И даже если представить, что война не закончилась бы для России революцией и гражданской войной, то все равно бы понадобились время и силы на послевоенное восстановление хозяйства. Кроме того, в этом случае Россия осталось бы страной,

тесно увязанной с мировым капитализмом, следовательно, ее бы коснулся мировой экономический кризис 1920–1930-х гг. (известный под его американским названием – «Великая депрессия»). Уже поэтому всеобщ в Российской империи к 1928 г. был просто нереален.

Впрочем, на самом деле все это тоже не очень существенно. Ведь революционных потрясений не могло не быть и неизбежность их во многом была связана как раз с развитием образования и ростом просвещения. Как бы парадоксально это ни прозвучало, чем больше царское правительство заботилось о всеобщем образовании, тем больше оно приближало собственное падение.

Даже без социологических сводок совершенно очевидна прямая связь между уровнем образованности подданных Российской империи и их нелояльностью к власти императора и всему существовавшему тогда режиму. Наиболее верно-подданнически были настроены крестьяне и городские мещане, среди которых было больше всего неграмотных или малограмотных (причем, как и сегодня в случае с поддержкой Путина, до революции поддержка царя вовсе не означала поддержки правительства и госаппарата). Крестьяне вплоть до 1905 г. были охвачены монархическими настроениями, и лишь когда Столыпин именем государя стал проводить насильственную приватизацию, в ходе которой крестьян, не желавших делить общинную землю, расстреливали из пулеметов, наступило разочарование. Монархические настрое-

ния имели место и среди рабочих, где в 1905 г. действовали многочисленные ячейки черносотенных организаций. Хотя рабочие, конечно, были гораздо революционнее, но во многом за счет пропаганды, которую вели в их среде революционные интеллигенты. Неслучайно Ленин в 1902 г. в работе «Что делать?» откровенно признал, что без помощи революционеров-интеллигентов рабочие сами не поднимутся выше уровня экономических протестов. Это было признание пропагандиста-практика, который до этого немало поработал в рабочих кружках и знал ситуацию.

Самой же враждебной по отношению к самодержавию группой, стремящейся к уничтожению режима, была интеллигенция, то есть слой населения, который был и наиболее образованным. Университетская профессура была почти сплошь либеральной и принимала активное участие в событиях 1905 г., пока они не переросли в вооруженные восстания. Именно университетская интеллигенция стала базой партии конституционных демократов, которая была подлинной создательницей и осуществительницей «проекта Февраля». Интеллигенты составляли базис и других, более радикальных партий. Так, верхушка партии эсеров, именовавшейся крестьянской партией, сплошь состояла из интеллигентов. То же касалось и социал-демократической рабочей партии. Показателен состав Политического Бюро ЦК РСДРП(б), созданного в октябре 1917 г. перед восстанием. Туда входили Ленин, Бубнов, Зиновьев, Каменев, Сокольников,

Сталин, Троцкий. Ни один член этого Политбюро никогда не работал на заводе или на фабрике и не был пролетарием по социальному происхождению. Все они принадлежали к разночинской интеллигенции. Ленин был дворянин, Бубнов – сын купца, Сокольников – сын врача, Зиновьев – сын мелкого предпринимателя, Каменев – сын инженера, Троцкий – сын зажиточного землевладельца-арендатора. Выходцем из простонародья был только Сталин (но и он был не пролетарием по происхождению, а сыном кустика-сапожника и крестьянки).

Учителя, врачи, агрономы и т. д. начиная со второй половины XIX в. в большинстве своем были распространителями революционных идей на самых разных уровнях общества.

Наконец, российское студенчество было настроено крайне радикально. Один из авторов знаменитого сборника «Вехи» кадет Изгоев сетовал, что дореволюционный российский студент, в отличие от своего западноевропейского коллеги, не столько учился, сколько занимался пропагандистской, кружковой деятельностью, писал прокламации и петиции, «защищал права народа». Студенты и даже выпускники университетов, ставшие обычными мирными учителями и врачами, *стыдились*, что они «не положили жизнь на алтарь борьбы за народное дело», то есть, выражаясь менее витиевато, стыдились того, что они... не стали членами подпольных террористических группировок и не оказались в тюрьме или на виселице. В период откровения, по словам Изгоева,

такой инженер сетовал своим товарищам, что он «опустился», то есть перестал заниматься революционной деятельностью, которой он краткое время занимался во время учебы в университете. Можно себе представить германского инженера, ставшего человеком обеспеченным и главой семейства и сетующего, что он не пошел в бомбисты? В дореволюционной России же это было нормой.

Даже гимназисты в Российской империи были охвачены революционными настроениями, держали под партами запрещенные книги и газеты, устраивали забастовки и бойкоты. Вспомните автобиографию Маяковского, в которой он пишет о своих гимназических годах: «под партой – „Анти-Дюринг“». А ведь Владимир Маяковский, который, между прочим, был наследственный дворянин, учился, как бы сейчас сказали, в «элитной» пятой гимназии города Москвы. Там же и тогда же, например, учились сын тогдашнего ректора Московского университета С.Н. Трубецкого Николай Сергеевич Трубецкой – будущий выдающийся языковед и культуролог-евразиец, или сын крупного художника-передвижника Леонида Пастернака – Борис Пастернак, будущий знаменитый поэт.

Очень выразительно причины этого феномена описал другой евразиец – экономист Яков Садовский в статье, написанной уже в пражском изгнании. Ситуацию, которая существовала в российском дореволюционном образовании, в частности среднем, гимназическом, Садовский называл до-

стойной имени анекдота, если бы она не привела к такой трагедии. Он желчно иронизировал: «В стране царей и самодержавия, под носом у попечителей округов, по одобренным свыше учебникам, молодежь воспитывалась в глубоком уважении и даже любви к Аристогитону, Демосфену, Бруту и им подобным... В школе у нас все эти бунтари и убийцы обрисовывались как герои, совершившие величайший в истории человечества подвиг». Имеется в виду, что на уроках по древним языкам и древней истории гимназисты самодержавной России изучали тексты, прославляющие цареубийц, обличающие единоличное, монархическое правление как «тиранию» и «деспотизм» и провозглашающие идеалы республики! И речь идет не только о древних цареубийцах и древней римской республике. Садовский продолжает: «В наших школах открыто проповедовался культ „великой французской революции“, а с ней заодно и всех революций. Революция вообще обрисовывалась, как панацея от всех зол. Творить новую жизнь можно-де только революционным путем. Впасть в революционное состояние, нирвану наших времен, было светлой мечтой почти всех наших преподавателей истории. Стремление дожить до революции, погрузиться в нее и быть счастливыми – вот что вбивалось как идеал в головы 15–16-летних мальчиков и девочек».



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.